

Вечер

ВЫПУСК
ПЯТНАДЦАТЫЙ

Белизна черемухи и снега...

— Как ваши картины?
— Пишу. — И после небольшой паузы: — Как же иначе...
— По-прежнему природу? — Снова утвердительный кивок.

Во всех его ответах столько преданности своему делу, столько увлеченности творчеством, которому Николай Алексеевич отдает свободное от работы время на протяжении вот уже 15 лет, что следующие вопросы о том, где же черпает он сюжеты для своих картин, в чем источник его вдохновения, наконец, как выкраивает время для занятий живописью, отпали как-то сами собой.

— Будничность интересна. Пожалуй, страшна, — услышала как-то я от него, — так как за суетностью повседневных забот и дел человек незаметно утрачивает остроту восприятия мира. И его уже не удивляет ни ослепительная белизна снега, ни смех ребенка, ни куст черемухи под окном.

Вот поэтому Николай Алексеевич за людей ищущих, увлекающихся. И когда вдруг его одолевают сомнения относительно нужности занятий живописью для себя и других, первый аргумент, который он приводит в пользу своего увлечения: не буднично провел день.

— Да притом как радостно, как празднично на душе, если удастся запечатлеть на бумаге или холсте то, что бывает подчас скрыто от наших глаз! Краски осени, напряженность неба перед грозой, прозрачность утренней дымки, бескрайность степи...

А, надо сказать, что почти физическая осязаемость пространства — одно из впечатлений от картин Крючкина. На них вы не увидите в вазе стоящих цветов. Нет, то, что пишет Николай Алексеевич, это — сад вишен, россыпи цветущих маков, море флоксов, гладь воды, сливающаяся с небом, по которому ползет гряда облаков.

И снова вода, снова небо... Все в лохматых тучах в «Фарватере на Оби», нежно-розовое в «Утре в горах», серое, холодное в «Озере студеном», ярко-синее в «Чуйской долине». У Крючкина оно создает настроение. Он старается передать определенное состояние природы, способное вызвать у человека эмоции, настроить его на определенный лад.

И, размышляя по поводу двух персональ-

ных выставок художника-любителя, мы неожиданно обнаруживаем, каким близким и вместе с тем восхитительно прекрасным оказывается для нас все то, что видим мы на его полотнах.

Вот что значит — уметь видеть. Не искать удивительное за тридевять земель, а рядом, в том, что вокруг нас. И тогда многое, до того казавшееся скучным, обыденным, обретет вдруг иной смысл.

— Открывать мир можно каждый миг, каждый час, надо только хотеть видеть, — слышу я голос Николая Алексеевича.

А в памяти встает дачная пристань на берегу Оби, и среди пассажиров, спешащих на берег, Н. Крючкин. Его было нетрудно «обнаружить» по не свойственной другим пассажирам медлительности, по тому, как с нескрываемым удовольствием он, еще не успев сойти на берег, оглядел небо, воду, сосны невдалеке, по той жадности, с которой вдыхал утреннюю свежесть реки.

И хорошее, близкое к восхищению чувство вспыхнуло тогда у нас в душе к этому человеку с его поразительным умением увидеть окружающее, впитать и понять красоту, несмотря на отсутствие «лишнего» времени. А как часто именно отсутствием времени оправдываем мы свою слепоту, свое нежелание видеть.

— Какая уж тут красота зимнего утра, если на работу бегом, с работы бегом. А в голове уйма забот: там успеть, то достать, это не забыть, — восклицаем мы.

Да, занятость большинства из нас действительно очень велика. Но именно поэтому и нельзя ждать, когда же появится у нас «лишнее» время, которое можно было бы использовать на то, чтобы размышлять или наблюдать. Может, когда-то и будет у нас время. Но сейчас его, во всяком случае, нет. Как нет «лишнего» времени и у Николая Алексеевича (не следует забывать, что Н. Крючкин — артист Новосибирского областного театра драмы). И каждый день ровно в 11 он должен приходить на репетиции, кроме того, почти каждый вечер у Николая Алексеевича — спектакль.

А сколько уходит времени на обдумывание роли! Ведь прежде чем создать образ на сцене, его нужно выносить. Создать в воображении внешность, голос, походку героя,

прочувствовать характер, понять его взаимоотношения с окружающими людьми.

И как выскивает он сюжеты для будущих картин (терпеливо, иной раз часами, поджидая какой-нибудь быстро проходящий, порой едва уловимый в природе момент), так же ищет он натуру для своих персонажей: — Иногда встретишь вдруг на улице такой интересный типаж, что, забыв все, идешь за ним и идешь, даже если это совсем не по пути.

Этот непрекращающийся у Николая Алексеевича процесс творчества, несомненно, нашел свое отражение в созданных актером образах, которые всегда отличаются достоверностью. Будь то трагедийная роль или комедийная, большая или маленькая. А за 25 лет сценической деятельности каких только ролей не довелось сыграть ему! Взять хотя бы годы работы Крючкина в областном театре драмы, где в его исполнении довелось нам увидеть Фрола Баева из пьесы Погодина «Земля», Малюту в «Василисе Мелентьевой» Островского, Юсова в «Доходном месте», губернатора в «Трех минутах Мартина Гроу», Банко в шекспировском «Макбете» и других. И среди них образ Билла Гиллесли в пьесе прогрессивного американского драматурга Силлифанта «В душевной южной ночи», запомнившегося необыкновенной человечностью, глубиной раскрытия характера, искренностью и последовательностью исполнения.

Как всегда, путь к театру от дома Николай Алексеевич совершает пешком. (Еще одна возможность побыть со своими мыслями наедине).

Завтра на репетиции он будет пробовать себя в новой роли — в роли Митрича (пьеса Л. Толстого «Власть тьмы»).

И снова размышления, сомнения, догадки. Радость находок и горечь неудач. И, наверное, не одна бессонная ночь. Но он не сетует на нехватку времени. В планах Николая Алексеевича новая выставка, к которой он мечтает создать еще несколько картин. Как он похож на тех увлеченных, «одержимых» людей, которые видят красоту жизни всюду: в общении с природой, в спорте, в самодеятельности. И как, наверное, обкрадывают себя те, у кого на это не находится времени. Времени на красоту...

А. РАЕВА.